

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

УДК 316.7

Т. С. Злотникова

«Новые люди» в новом дискурсе

(О. М. Гончарова. «Новые люди» эпохи 1860-х: идеи – тексты – социопрактики. Лекции по истории русской культуры. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – 139 с.)

T. S. Zlotnikova

"New People" in a New Discourse

(O. M. Goncharov. "New People" epoches 1860-s: ideas – texts – Sociopractices. Lectures on history of Russian culture. – SPb.: Publishing house RGPU named after A. I. Herzen, 2011. – 139 p.)

От восхищенного изумления и панических ожиданий к резкой критике, от ретроспективно оформившихся разочарований к снисходительной иронии – так колебался маятник отношения отечественной интеллигенции, в частности ученых (филологов, историков, позднее социологов и культурологов) к шестидесятникам. Тем, первым, жившим 150 лет назад, создавшим художественные и публицистические тексты о жесткой нетерпимости и романтических порывах, о странном поведении и горестных судьбах. Тем, кто писал тексты не только пером, но и собственными поступками, поэтому точным оказывается часть заголовка новой книги нашей коллеги из Санкт-Петербурга, О. М. Гончаровой: «...идеи – тексты – социопрактики».

О русских литераторах и социальных экспериментаторах, Чернышевском, Добролюбова, Писарева, Герцене, о великом писателе Достоевском и считавших себя великими революционерами мужчинах и женщинах, о людях второй половины позапрошлого века с их едва ли безмятежной уверенностью в единственно правильной – их собственной позиции – написана книга, где аналитический дискурс присутствует и в исходном посыле, и в способе подачи материала. Не превознести или низвергнуть, но понять и, если угодно, простить ригористичных и оттого несчастливых людей, попыталась исследовательница в своем сочинении. Такая позиция спокойного, добросовестного, даже в чем-то «безоценочного» анализа особенно важна в издании, предназначенном студентам, – а мы имеем дело с изданием учебным, потому по определению призван-

ным хоть немного опережать мысли, восприятия и понимание современной студенческой молодежи.

Полагаю, что автору это удастся. Главным образом, потому что сделан шаг к решению масштабной и значимой задачи – удовлетворению интереса «к проблемам культурной динамики России XIX века». Пользуясь приемом так называемой двойственной перспективы, включающей в себя иноописание и самописание, О. М. Гончарова исследует «антропологическое измерение культур» в учете споров и несогласий, которые были рождены в те самые, 1860-е и несколько более поздние годы и происходили между единомышленниками и непримиримыми оппонентами и в художественной, и в философско-эстетической, и, что оказывается сегодня весьма актуальным, в социально-политической сферах. «Новые люди» предстают в книге как особая генерация экспериментаторов и полемистов, у них есть свои характеры, лица и судьбы, о которых автор ни в коем случае не забывает. Отсюда важными оказываются не только сочинения, но и житейские проявления – попытки самоубийства, семейные разрывы. Синергетический (хотя и не заявленный таковым) подход исследовательницы к жизненным и творческим коллизиям шестидесятников XIX в. проявляется в поиске моделирующих оснований их существования, в соединении представлений о «текстах и акциях», к примеру, представителей разных поколений. Проявляется этот подход и в корректном, последовательном рассмотрении едва ли пагубного влияния новых научных знаний на умы и, как ни странно это для знаний, души «новых людей»; мотив не критично-увлечения сциентистскими представлениями, пусть

даже беглые упоминания о медицинских познаниях сына Герцена или о влиянии трудов Дарвина, Сеченова etc. – существенно расширяют проблемное поле не очень большой по физическому объему, но содержательно насыщенной книги.

Сочинение о жизни России 150-летней давности неожиданно резонирует с современными российскими *социопрактиками*, да и с *текстами*, поскольку *идеи*, пройдя по спирали революций и «мирных» преобразований, вновь становятся интересными нашим современникам: феминистские выпады, эсхатологические игрища, категоричность идеализации то народа (массы), то молодости (новаторства), справедливо рассматриваются О. М. Гончаровой как «экзальтированное бунтарство». Но важно в этом научном тексте то, что сам он написан без экзальтации и категоричности, я бы даже сказала – с определенным сочувствием к тем «новым людям», которые стремглав бросались в бездну проб, не понимая (или не желая понять), как велики количество и объемы возможных ошибок. И не только ошибок локальных, индивидуальных, но – системных: уходя от нашей «школьной» традиции социологизированного (не путать с социологическим) подхода к истории культуры, автор книги показывает и формулирует главную вину шестидесятников, которая состояла не в их сословных распрях и противостояниях, а в «принципах антикультурности или некультурности, ненормированности, неправомерности, то есть в ориентации на скандал», на «провоцирующее культуру девиантное поведение».

Подчеркну: именно социопрактикой, а не просто фактом создания определенных текстов, выступает у О. М. Гончаровой литературное творчество «новых людей», чей, как верно сформулировано в книге, «материалистический взгляд на мир сформировал и утилитарно-материалистическое отношение к слову и литературе». Социопрактики увлеченных своими открытиями и своими конфликтами людей могут быть пугающе решительными и необратимо опасными. Автор книги это ощущает и обозначает как значимую не только для культурного поля проблему, говоря о властных притязаниях на «единоличное владение истиной».

Исследование, написанное, еще раз замечу, в спокойном, интеллигентном тоне, тем не менее, само вопрошает и призывает задавать вопросы. Не то чтобы возражать, но стремиться уточнить мысль и авторские интенции, существовавшие в процессе непростого проникновения в материал, с одной стороны, многократно описанный и обсужденный, с другой же, – не всегда и не всеми адекватно расцененный. И вопросы эти, причем далеко не риториче-

ские, позволяющие читателям, да и самому автору, продолжить раздумья за рамками уже опубликованного текста, таковы. Во-первых, почему слово «реализм», которое, правда, уже стало разменной монетой нашей эстетической, искусствоведческой, культурологической терминологии, автор книги употребляет в кавычках: видит неполноценность или неотчетливость термина, понятия; либо считает это понятие в принципе неотрефлексированным в научном поле; либо считает своего рода оружием в борьбе «новых людей» с классическими эстетическими воззрениями, например, гегелевскими? Во-вторых, можно ли, даже увлекшись масштабом исследуемых культурно-исторических коллизий, говорить о культурном кризисе «космоса русской жизни» (имею в виду надперсональность космоса и в конкретном, и в метафорическом смысле), – а значит, невозможность для него, космоса, погрузиться в состояние, детерминированное персональными коннотациями, – в состояние кризиса)? Есть и другие вопросы, более частного порядка, которые можно обсуждать в специальном, профессиональном кругу.

Концепция книги о «новых людях» как о своего рода повторяющемся в разные периоды жизни России культурно-историческом феномене вырастает из концепции жизни этих самых людей (вспомним Гончарова, говорившего о появлении новых «чацких» при каждой перемене в обществе?). Не производит, не транслирует, не иллюстрирует – а такого рода работ в середине XX в. у нас появлялось множество, – но именно вырастает из *той* концепции как основание актуального исследовательского дискурса. Поэтому книга, где нет попытки заигрывать с современным студенчеством, звучит современно, предостерегая от категоричности и вызывая сожаление об одномерности людей талантливых и нравственно по-своему ответственных. Наконец, в современном исследовании отсутствует наивное, но часто встречающееся стремление низвергнуть все прежние авторитеты только потому, что они – прежние, водрузив на их место, по известной варварской традиции, новые фигуры, несоизмеримые с прежними пьедесталами. Такую позицию можно назвать «анти-Михалевичем», имея в виду тургеневского персонажа с его наивно-агрессивными виришами:

И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

Для научного исследования это было бы слишком просто и непродуктивно.